СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. МАКѢЕВА

1 франкъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

КАЗАКИ.

Промчался день. Вотъ за горами
Послѣдній солнца лучъ ужъ сѣлъ.
Все поле смолкнуло. Мѣстами,
Валялись груды мертвыхъ тѣлъ.

Вдругъ пыль взвилась. Несется прямо
Отрядъ отважный казаковъ,
Онъ мчится черезъ рвы и ямы,
Онъ мчится прямо на враговъ.

Они несутся грозной тучей
На непріятельскую рать,
И подъ напоромъ ихъ могучимъ,
Ничто не можетъ устоять.

Вдругъ залпы частые раздались,
И вотъ откуда-то вдали,
Отряды нѣмцевъ показались
Взметая пыль и прахъ съ земли.

Вотъ двѣ, три пули просвистали,
И два Кубанца впереди
Съ своихъ лихихъ коней упали
И первой жертвою легли.

Казаки съ яростью помчались,
Чтобъ отомстить за нихъ врагу.
Столкнулись кони, всѣ смѣшались,
Встрѣчая смерть лицомъ къ лицу.

Германцы тѣсно окружили
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Къ окопамъ русскимъ ихъ тѣснили,
Ихъ - этихъ грозныхъ казаковъ.

Они все дальше отступали.
Ихъ кони рвалися назадъ
И бѣлой пѣной покрывали,
Бешметы синіе солдатъ.

Кубанцамъ вспомнилась свобода,
Родные степи и лѣса,
И пѣсни русскаго народа,
Въ которыхъ славятъ казака.

И этой мыслью ободренны,
Германцевъ смяли вдругъ они.
И видятъ: съ шашкой обнаженной
Хорунжiй мчится впереди.

Вдругъ выстрѣлъ. Воинъ пошатнулся,
Съ сѣдла черкесскаго упалъ.
Но и казакъ не промахнулся
И нѣмца на копье поднялъ.

Побѣда рѣшена. И снова
Бѣгутъ предъ русскими враги.
На мѣстѣ боя рокового,
Лежатъ лишь мертвые одни.

И мѣсяцъ тихо съ высоты
Надъ сей картиною сiяетъ,
И рѣчку, горы и холмы
Печальнымъ свѣтомъ озаряетъ...

30 Октября 1916 годи.

ГУАЯКИЛЬ. *)

Взгляни въ тотъ свѣтлый уголокъ,
Гдѣ мы столь счастливо прожили
Три года, — но судилъ намъ рокъ
Его оставить для могилы:

Мы въ край туманный и сырой,
Дождей, ручьями упоенный,
Переселилися. Зимой,
Когда лучами освѣщенный

Стоитъ нашъ домикъ межъ цвѣтовъ,
Благоуханьемъ розъ обвѣянъ, —
Мы здѣсь тоскуемъ средь снѣговъ
И мысль о Францiи лелѣемъ.

26 Марта 1918 г.

*) Вилла на югѣ Францiи

МАЯКЪ.

Надъ пучиною
Морскою,
Выдѣляясь
Въ темнотѣ,

Свѣтитъ яркой
Полосою
Огонекъ
На маякѣ.
Кораблей плывущихъ
Въ морѣ
Манитъ въ пристань
Отдохнуть,
Чтобы утромъ
На аврорѣ
Вновь они-бъ пустились
Въ путь.
Бурей челнъ
Поврежденный
Къ маяку стремитъ
Рыбакъ, —
И стоитъ
Уединенный
Сторожъ гибнущихъ —
Маякъ.

2/15 Апрѣля 1918 г.

ВЪ ЛѢСУ.

Солнце грѣетъ. Въ лѣсъ тѣнистый
Я спѣшу скорѣй войти.
Здѣсь отрадно: зелень, листья,
Мошки, бабочки, жуки.

Тамъ ручей бѣжитъ подъ сѣнью
Густолиственныхъ вершинъ,
И, покоясь въ вѣчной тѣни,
Дремлетъ папортникъ одинъ.

Тамъ лужайка бѣлой кашки
Тянетъ влагу ручейка,
Тамъ подъ дубомъ пукъ ромашки,
Дальше — кустикъ тростника.

Испареньями покрылась
Накаленная земля.
Какъ могло, такъ и укрылось
Все отъ знойнаго полдня.

12 Іюня 1917 г.

УЗНИКЪ

Двадцать лѣтъ я томлюся въ темницѣ
На далекой чужой сторонѣ.
Не увижу родимой столицы.
Все промчалось какъ будто во снѣ...

Но не долго мнѣ жить здѣсь осталось:
Трупъ холодный на койкѣ найдутъ.
На могилѣ-же рѣзвыя пташки
Мнѣ надгробную пѣсню споютъ.

22 Марта 1916 г.

СОЛДАТЪ.

Трещатъ барабаны и вѣютъ знамена,
Сомкнувшись идутъ подъ ихъ тѣнью полки.
Кровавою пѣной земля обагрена,
Сверкаютъ на солнцѣ стальные штыки.

Погибель разносятъ повсюду снаряды.
Идетъ за солдатомъ въ атаку солдатъ.
То вдругъ занимаютъ окопы отряды,
То снова врагамъ отдаютъ ихъ назадъ.

Окончился бой. На полянѣ изрытой,
Безчисленнымъ множествомъ конскихъ копытъ,
Пронзенный штыкомъ, алой кровью облитый,
Солдатъ молодой умирая лежитъ.

Чернѣетъ въ груди окровавленной рана,
И кровь изъ нея бьетъ горячей струей.
Заря на востокѣ встаетъ изъ тумана,
А въ полѣ ужъ умеръ солдатъ молодой.

23 Декабря 1917 г.

ЧЕРКЕШЕНКА.

Въ глубокомъ ущельѣ Дарьяла,
Гдѣ Терека мчатся валы,
Черкесская сакля стояла
На темномъ уступѣ скалы.

Въ той саклѣ большой и широкой,
Черкешенка Зара жила
И въ думѣ своей одинокой
Чеченца Галуба ждала.

Вотъ три ужъ условленныхъ года,
Чредой другъ за другомъ прошли.
Разъ въ темную ночь, въ непогоду
Галубъ возвратился съ войны.

Съ свинцомъ въ окровавленной ранѣ,
Онъ въ саклю вошелъ и сказалъ:
„Чуть было меня на курганѣ
Отрядъ казаковъ не поймалъ.

Но я сквозь ряды ихъ пробился,
Со мною Хаджи мой абрекъ,
И въ саклю родную явился
Чтобъ въ ней ужъ затихнуть навѣкъ“...

И взявшись за рану рукою,
Протяжно онъ такъ застоналъ,
Какъ стонетъ пронзенный стрѣлою
Разъяренный, грозный шакалъ.

Онъ умеръ. А утромъ на брегѣ,
Далеко отъ сакли родной,
Джигиты узрѣли въ набѣгѣ
Черкешенки трупъ молодой.

2 Апрѣля 1918 г.

ЦЕППЕЛИНЪ.

Ужъ полночь. Сумракъ надъ рѣкою,
Луна на городъ нашъ глядитъ,
И точно огненной главою
Обсерваціонный пунктъ горитъ.

Онъ небо, землю озаряетъ,
Сосѣдній молъ и моря даль.
И мѣсяцъ воду освѣщаетъ
Какъ темно-синюю эмаль.

Вдругъ вдалекѣ, надъ синимъ моремъ
Къ намъ что-то темное летитъ,
Оно несется на просторѣ
И завываетъ и гудитъ.

Оно летитъ все тише, тише,
Спустясь съ безоблачныхъ вышинъ;
И я теперь ужъ ясно вижу,
Что къ намъ несется цеппелинъ.

Вотъ онъ ужъ близко. Вдругъ раздался
На башнѣ выстрѣлъ вѣстовой
И гулко эхомъ отозвался
Въ безмолвной тишинѣ ночной.

И вмигъ казармы пробудились,
Посыпался картечи градъ,
И на молу уже толпились
Кружки стрѣляющихъ солдатъ.

Вдругъ запылала вся громада,
Спустившись средь морскихъ равнинъ:
То пуля одного солдата
Попала въ грозный цеппелинъ.

Онъ догоралъ. Къ нему ужъ вскорѣ
Ладьи неслись со всѣхъ сторонъ.
Губитель всѣхъ, остался въ морѣ
Конвоемъ сильнымъ окруженъ.

25 Мая 1917 г.

УМИРАЮЩІЙ ЛЕВЪ. *)

Чьи стоны летятъ изъ пещеры глухой?
Чье тѣло лежитъ онѣмѣвъ? —
То стонетъ пронзенный смертельной стрѣлой,
Съ глубокою раною левъ.

Торчащій обломокъ летучей стрѣлы
Виднѣется въ лѣвомъ боку,
А счастье былое, минувшіе дни,
Все памятно въ жизни ему.

Обнявши могучими лапами щитъ,
Не чувствуя раны своей,
Онъ мыслью далеко, далеко летитъ
Въ пустыню — царицу степей.

И вотъ гдѣ пришлось одному умирать!
На дальней чужой сторонѣ.
Предъ нимъ разстилается водная гладь...
Онъ умеръ въ угрюмой скалѣ.

1 Іюля 1917 г.

*) На Люцернскій памятникъ.

IMPRIMERIES RÉUNIES S. A. LAUSANNE.